

М.А. Овчарова

кандидат исторических наук

Барнаульского государственного педагогического университета

Т.К. Щеглова

доктор исторических наук

профессор Барнаульского государственного

педагогического университета

МОРДВА АЛТАЙСКОГО КРАЯ: САМОСОЗНАНИЕ И САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ

Переселение и размещение мордвы

Современные исследования истории освоения Верхнего Приобья различными этническими и этнографическими группами не теряют актуальности. Маркирующими компонентами этничности являются язык, психология, культура, т.е. прежде всего те, для которых характерны традиционность и устойчивость. Они формируются в процессе социализации в семье и обществе¹ и зависят от условий существования.

Самосознание, как известно, выступает в качестве непеременимого условия каждого самостоятельного таксономического уровня этнической иерархии². Дисперсно расселенные группы подвержены изменениям этнического самосознания. Компактно проживающие этносоциумы более устойчивы. Данная закономерность относится ко всем этносам Алтая и обуславливает разный уровень развития самосознания у разных этнических и этнографических групп.

В заселении и освоении Верхнего Приобья огромную роль сыграли переселения конца XIX – начала XX в. На Алтай переезжали представители восточнославянских, финно-угорских, германских, тюркских народов. Мигранты были пристрастны в выборе места жительства, учитывали агрокультурную пригодность местности и ландшафтные особенности, к которым привыкли на родине. К 1920-м гг. процент нерусского населения (свыше 30 национальностей) среди домохозяев достигал 17,4 %.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., на территории Алтайского края проживали несколько десятков народов, в том числе и финно-угорские: мордва (0,3 % всей численности), мари (0,03 %), удмурты (0,04 %), коми-пермяки и др.³ При этом в отдельных районах края они образовывали этнические анклавы и являлись вторым-третьим этносом после русских.

С целью изучения полиэтничного населения в границах Бийского Приобья, Нижнего и Среднего При-

чумышья историческим факультетом БГПУ с 1997 г. проводились широкомасштабные этнографические экспедиции, в рамках которых группа под руководством Е.Ю. Чеботаревой занималась изучением мордвы Первомайского р-на (с. Зудилово и р.п. Белоярск). Основными методами были интервьюирование и анкетирование мордовского населения, которые позволили определить уровень самосознания мордвы и сохранность традиционной культуры.

Большое значение для работы имели материалы переписей, в том числе – материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. Они использовались для выявления условий переселений, численности мордвы, стратегий социокультурной адаптации и уровня социально-экономического развития. Подобные исследования проводились впервые, так как до последнего времени мордовское население Алтайского края находилось за рамками интереса региональной этнографической науки.

Было установлено, что к основным территориям локализации мордвы относятся регионы Причумышья. В 1989 г. на территории Залесовского р-на проживало 2 045 чел. мордвы из 20 580 (9,9 %), в Тальменском р-не – 436 из 48 760 (0,9 %), Заринском р-не – 318, Целинном р-не – 107 чел. представителей мордвы.

По-видимому, миграция мордвы в период массовых переселений из Поволжья шла вдоль р. Чумыш. Местом проживания мордвы также стала территория Первомайского р-на, включая города Новоалтайск и Белоярск; где проживает 655 чел. мордвы (Первомайский р-н – 410, из них в Боровихе – 107, Зудилово и Новоалтайске – 143, Белоярске – 105 чел.). Этот район в силу географической близости может быть объединен с причумышскими селами.

В отличие от других территорий в Причумышье существуют моноэтнические (села Борисово, Никольское) или смешанные русско-мордовские села с сохранением мордовского языка и культуры (села Большой Калтай и Малый Калтай, Думчево, Черемушкино,

Пещерка, Залесово Залесовского р-на, Зудилово Первомайского р-на, Инюшово и Шадринцево Тальменского р-на). В этих селах проживают мордва-эрзя и мордва-мокша. Окружающее их русскоязычное население не различает их, а называет общим этнонимом «мордва» (экзоэтноним). Групповые самоназвания – эрзя и мокша (эндоэтнонимы) употребляются лишь во внутриэтническом общении.

Второй зоной расселения мордвы является Бийское Приобье: только в г. Бийске проживает 367 чел. мордвы, в Солтонском р-не – 110 человек⁴. В остальных районах края они проживают дисперсно.

Обобщение имеющихся источников позволяет утверждать, что мордовское сообщество Алтайского края сформировалось из нескольких миграционных потоков. Наиболее активно оно пополнялось за счет поощряемого Алтайским горным управлением переселения второй половины XIX – начала XX в. По данным Всероссийской переписи 1920 г., на территории Алтайского края проживало 2 892 домохозяина из мордвы (учитывались хозяйства по родному языку хозяина). Большинство проживало в Барнаульском (1 387 домохозяйств), Бийском (719), Каменском (447), Змеиногорском (292), Славгородском (26), Горно-Алтайском (21) уездах⁵.

Вторую волну массовых переселений, в том числе плановых, вызвало засушливое лето 1921 г. Как известно, засуха погубила посевы в 37 российских губерниях общей площадью 1 089 тыс. десятин. Число голодающих составило, по официальным данным, почти 40 млн чел. В Поволжье вымирали целые деревни. Перепись 1926 г. показала, что в Сибирь прибыло 107 794 чел. мордвы⁶. В результате в Залесовском р-не мордва по численности вышла на второе место после русских и составила 14,3 % общей численности населения, в Чумышском р-не – 9 %⁷.

Последующие миграции были связаны с голодом 1930-х гг. и 1947 г. и участием представителей поволжской мордвы в освоении целины на Алтае в 1950-е гг. Но, в отличие от первого потока, все последующие не привели к формированию самостоятельных поселений. Приехавшая мордва подсеялась в уже существующие мордовские села, способствуя укреплению языка и традиционной культуры.

В 1970 г. во время очередной переписи населения на территории Алтая было учтено 11 005 чел. мордвы (0,6 %), в 1979 г. – 8 466 (0,4 %), в 1989 г. – 7 455 чел., что составило 0,3 % общей численности мордвы. Всего в СССР, по переписи 1989 г., мордвы насчитывалось 1 023 800 человек⁸. В результате расселения мордвы по территории Алтайского края в его различных географических зонах сформировались этнографические группы мордвы, различавшиеся по степени сохранности традиционной культуры и уровню этнического сознания.

Поэтапное формирование мордовского населения на Алтае и различия среды проживания (моно- и полиэтническая) определили методику полевых исследований. Срез этнического самосознания проводился на трех уровнях: во-первых, у представителей разновременных групп переселенцев (вторая половина XIX в., начало XX в., 1920-е гг., 1950-е гг.); во-вторых, в каждой группе мигрантов у представителей разных поколений одной семьи; в-третьих, в разных эколого-культурных зонах – среди дисперсно проживающей мордвы (Бийский р-н), а также в селах с моноэтническим мордовским населением (Борисово, Никольское Залесовского р-на) и в смешанных русско-мордовских селах (Б. Калтай, Думчево, Пещерка Залесовского р-на, Зудилово Первомайского р-на).

Мордовский край:

идентичность и этничность

Мордовский край на Алтае сформировался на территории Причумышья с центром в Залесовском р-не (Залесовское Причумышье). На его территории расположены мордовские и смешанные села, где мордовский язык продолжает использоваться в повседневной жизни. Уникальным районом является эрзянская зона с центром в с. Борисово, к которому тяготели села Никольское, Пыхтарь, Малая Покровка (последние два исчезли). Село Никольское образовалось по обеим сторонам р. Татарки; 31 % переселенцев приехали в 1865 г. – 12 семей из Пензенской губернии, 4 – из Симбирской; 44 % – в 1882–1889 гг. Этническое ядро составляло 12 мордовских семей. Среди них семьи Семена Михайловича Суродкеева и Сергея Авдеевича Четвергова (1865 г.)⁹. Остальное население подсеялось к ним: в 1882 г. в Никольском было 24 двора (100 д.м.п.), в 1893 г. – 55 дворов (236 чел.: 109 м.п., 127 ж.п.), в 1911 г. – 379 чел. (172 м.п., 207 ж.п.)¹⁰. В 1926 г. этнический состав был представлен мордвой-эрзя – 72 хозяйства (475 жителей – 218 м.п., 257 ж.п.)¹¹.

Облюбовав Причумышье, мордва стала вытеснять русских старожилов. Одна из версий названия села – от названия околка Никольского (по другой – сенокосные угодья Никольского) – говорит о том, что до прихода мордвы эти земли были освоены русскими земледельцами (так же, как и с. Борисово). Прежде всего мордва подсеялась на заимки старожилов, постепенно вытесняя их за счет вновь прибывающих. В 1917 г. в с. Борисово из 116 семей осталось только 20 русских. По мере увеличения населения мордва создавала новые, уже моноэтнические заимки и выселки. Село Никольское также сформировалось на месте русской заимки, когда 16 мордовских семей, приехав в 1865–1889 гг. из Пензенской (12) и Симбирской (4) губерний, вытеснили русских крестьян¹². Эту версию подтверждают устные источники. Учительница Борисов-

кой школы Дарья Ивановна Абол, приехавшая в Борисово в 1913 г., в своих воспоминаниях писала: «До нашего приезда в Сибирь за несколько лет еще раньше старший брат отца Леонтий Федорович Дорогайкин, прослуживший в солдатах 23 года, в числе остальных людей-ходоков был ходоком в Сибирь. Из-за безземелья в Симбирской и Пензенской губерниях от общества выбирались, хотя малограмотные, но надежные люди в количестве 3–4-х человек... которым поручали ехать в Сибирь для подыскания вольных свободных земель для массового переселения желающих семей. Ходоки ехали на общественные деньги. Железная дорога в то время была только до Ново-Николаевска. Дальше передвигались, где на лошадях, где пешком, расспрашивали у встречных о вольных землях в Сибири (чтобы была вольная, свободная земля, чтобы был лес и вода рядом). Вот эти-то ходоки через расспросы встречных попали в Залесовскую волость на расстоянии 25 верст от Залесова. Ходоки и облюбовали свободную земельную площадь недалеко от леса и воды. Около р. Татарки в трех домах жили сибиряки по фамилии Борисовы. Ходоки получили разрешение в Барнаульском уезде на заселение этой площади. Вернувшись в Симбирскую губернию, о виденном рассказывали населению. Желающие переселиться в Сибирь, распродали постройку свою, и все хозяйство, переселялись сообщая, сначала поездом до Новониколаевска. Дальше железной дороги не было. Каждый хозяин по своему состоянию покупал себе лошадь со сбруей, и ехал уже гужом, т.е. на лошадях, вместе до облюбованного ходоками места. Приехав на место со всем транспортом, стали строить каждый себе жилье. Лес рос рядом на месте. Каждый строился ближе к речке. Переселялись из Симбирской и Пензенской губернии только мордвяки по наречению эрзя. Заселили это место и назвали по фамилии живших ранее сибиряков Борисовых – Борисово. После заселения государством была построена церковь, и стало Борисово называться селом. А школу в то время государство не собирались открывать. А потом, когда земли стало не хватать, переселенцы стали селиться близ села Борисово, так образовались села: Никольское, Пыхтарь, Малая Покровка»¹³.

Так как в переселении участвовали большие семьи, то в селах все население находилось в тесном родстве. Моноэтнический состав обеспечил консервацию культурных традиций. Так, в с. Никольском было 7 семей Абрашкиных. К Андрею Андреевичу Абрашкину (первопоселенец) в 1871 г. переехали из Пензенской губернии 2 брата: Василий Кондратьевич и Семен Кондратьевич. Самыми многочисленными семьями в селе к 1917 г. являлись также Четверговы и Юртайкины. Юртайкины переселились в с. Никольское в 1892 г. двумя семьями – Федота Петровича и Якова Михайловича. Семья Архипа Васильевича Юртайкина пе-

реселилась из с. Косогор Симбирской губернии. В 1917 г. они были самыми зажиточными в селе, имели 35 голов скота (9 лошадей, 12 коров, 11 овец, 3 свиньи); 26,8 десятины пашни; 2 железных бороны, жнейку само-сброску, веялку, 2 телеги на деревянном ходу. В 1931 г. семья Павла Яковлевича Юртайкина, дяди Архипа Васильевича, была раскулачена и сослана в Нарым.

В Залесовском Причумышье, кроме локальных поселений мордвы-эрзя (села Борисово, Никольское), существуют смешанные русско-мордовские села с мордвой-мокшей (села Большой и Малый Калтай, Думчево, Пещерка, Залесово). По переписи 1917 г., из 97 семей переселенцев 1872–1899 гг. в с. Малый Калтай мордва составляла большинство – 65 семей¹⁴, в с. Думчево из 324 дворов – 157, остальные 164 – великорусы¹⁵. В с. Большой Калтай мордва-мокша¹⁶ приехала из Пензенской губернии, где, по словам информаторов, им «не хватало земли и хлеб не стал родиться» (А.Е. Пензина, 1934 г. р.). В смешанных селах мордва селилась отдельно от русских, например, в с. Большой Калтай, в стороне от орловских и курских, «вверху на пригорочке, на другой улице». В результате в с. Б. Калтай на одном берегу р. Талицы сформировался Орловский край, на другом – Курский. Мордовский край назывался «Эряно» – новая жизнь. Старожилы, к которым приселялись мордовские и русские переселенцы, жили в старой части – «Сибирский край». Свои «мордовские края» сформировались во всех смешанных селах Причумышья (с. Средне-Красилово Заринского р-на, с. Зудилово и р.п. Белоярск Первомайского р-на). Совместное проживание имело взаимную выгоду. Переселенцы из мордвы рассказывали, что к русским старожилам «...ходили работать... Сначала, как приехали, батрачили... быстро встали на ноги»; а старожилы говорили: «жалко, что ли, земли было...». Иное отношение было у конфессиональной группы русских кержаков, которые обособлялись в целях защиты старой веры и неохотно вступали в контакты с мордвой (с. Большой Калтай – Е.Г. Бокова, 1905 г. р.).

Сохранению мордовских по составу сел способствовало географическое положение Залесовского Причумышья, которое расположено в притаежной зоне, с большим количеством болот и холмов, мало пригодных для ведения земледелия. В советское время район не вошел в число передовых и почти не подвергся перестройке. Все села были расположены на достаточном расстоянии от трассы «Барнаул – Новосибирск». Эта географическая отдаленность и историческая изолированность способствовали сохранению этничности. И только проведение в 1999–2000 гг. трассы «Алтай – Кузбасс» открыло Залесовское Причумышье для активного транзитного движения.

Межпоколенное интервьюирование и материалы переписей выявили в мордовских селах несколько миграционных групп населения. В с. Зудилово Первомай-

Таблица 1. Идентификация мордвы сел Никольского и Борисова, %*

	Различия эрзя и мокши			Отличие мордвы-эрзя от русских			Различия между мордвой на Алтае и в Мордовии		
	поколения			поколения			поколения		
	I	II	III	I	II	III	I	II	III
Язык	100	100	64	100	100	100	84	93	56
Свадебный обряд	7	—	6	61	81	33	2	11	3
Похоронный обряд	5	—	—	29	52	19		4	
Характер	3	8	6	24	55	36	—	4	3
Одежда	3	8	6	15	4	8	5	5	8
Быт	—	—	—	10	33	19	7	15	6
Внешность				3	7	—			

* Составлено по материалам интервьюирования (экспедиция 2003 г.).

ского р-на в 1912 г. из 114 дворов переселенцев 30 были мордовскими, в 1917 г. они составляли 15–16 % общего числа жителей. Мордовские переселенцы (мокша) поселились на юго-западной окраине села вдоль р. Черемшанки, образовав Мордовский край. Другая часть мордвы поселилась напротив «Мордовского края» на левом берегу р. Черемшанки (ныне территория относится к р.п. Белоярск). Между зудиловским мордовским краем и белоярской мордвой установились тесные семейно-родовые связи.

Новая волна мордовских переселенцев (эрзя) 1950–1960-х гг. также поселилась в Мордовском крае, несмотря на разницу – мокша и эрзя. Компактность заселения и различия с русским населением в языке и культуре способствовали их обособленности. На сельских кладбищах сформировались компактные семейные захоронения. Анкетирование представителей двух миграционных потоков показало, что в мордовской среде быстро исчезала специфика материальной культуры, более устойчивой оказались духовно-обрядовые традиции. Так представители первого потока переселенцев к 1950-м гг. отказались от использования национальных костюмов и хранили их как реликвии в сундуках. Но вновь прибывшие переселенцы, целинники, привезли с собой традиционные наряды (информатор Ф.С. Семдянкин), которые использовали на родине (в Мордовии) по праздникам; на Алтае это вызвало удивление у местной мордвы.

Что касается духовной культуры, то она сохранилась до сих пор. Мордва, принявшая православие, сохранила языческие представления, например, о Веряве и Ведяве (матери леса и воды), о домовых; также сохранилась похоронная обрядность (обрядовые похоронные блюда, обычай приносить на поминки свой «помин», обычай по родительским и поминальным дням «угощать» умерших «помином» и просить у них защиты). Решающее значение в сохранении мордовских традиций в с. Зудилово и р.п. Белоярск имели внут-

риэтнические брачно-семейные связи. Ориентация на этнические браки способствовала сохранению микро-среды, хотя не всегда семейному счастью. Как сказал П.Д. Кривошеев (1938 г. р.), матери «нужна была мордовка, я и привел ее».

Полевая работа в мордовских селах Причумышья показала, что важным фактором функционирования традиционной этнокультуры являлось сохранение языка. По воспоминаниям старожилов, бытованию языка в общении способствовало сохранение моноэтнического состава мордовских сел до 1940-х гг. В 1917 г. в с. Борисово из 116 дворов 100 являлись мордовскими, в с. Никольском все 28 хозяйств были мордовскими¹⁷. С послевоенного времени в них стало оседать русскоязычное население. По данным текущего архива Борисовской администрации Залесовского р-на в с. Никольском в августе 2003 г. проживали 41 мордовская семья (167 чел.) и 5 русских; в с. Борисово – 293 мордовских и 40 русских семей. Анкетированием было охвачено мордовское население по трем возрастным группам (1918–1940; 1941–1970; 1971–2000 годов рождения). Было собрано 140 анкетных листов (пропорционально по возрастным группам – 50, 50 и 40 чел.). Анкетный лист содержал вопросы для определения этнической принадлежности и уровня знания своего родного языка и выявления наиболее значимых компонентов этнического самосознания (язык, обряды и обычаи, вероисповедание, национальный характер, одежда, пища).

На первое место среди этнодифференцирующих признаков опрошенные жители сел Борисова и Никольского (мордва-эрзя) поставили язык. Особенно благоприятным для сохранения языка являлся в представлении информаторов период до середины 1930-х гг. Мордовские переселенцы были малограмотны, говорили на родном языке и слабо владели русским. Преподавание в сельских школах с мордовским населением велось на родном языке, который являлся базой

сохранения и трансляции национальной культуры. Советская власть большое внимание уделяла в это время национальным проблемам. При отделе национальных меньшинств Совета рабочих и крестьянских депутатов Алтайского края было образовано девять национальных секций, в том числе мордовская¹⁸. Эти секции занимались вопросами просвещения среди национальных меньшинств, открытием национальных школ. В этих школах обучение первые три года велось на родном языке, русский язык преподавался как особый предмет. На второй ступени (среднее звено) обучение велось уже на русском языке с сохранением преподавания родного языка¹⁹. В те годы и даже позже мордовская интеллигенция сел Борисова и Никольского выпускала газеты и журналы на родном языке, о чем они вспоминали: «интересно читать на родном языке».

С закрытием национальных школ в середине 1930-х гг., язык остался востребованным только на бытовом уровне, что сузило возможности трансляции традиционной культуры. В силу разных причин (в т. ч. материальных) большинство сельчан перестало выписывать национальные периодические издания, была прервана информационная связь с родиной. Бытовой язык впитывал русизмы, терялась практика письменной речи. На Алтае эти тенденции усугубило отсутствие единого мордовского национально-культурного центра.

Вместе с тем, поздние (послевоенные) миграционные волны из Мордовии поддерживали национальный язык. Носителями языковой культуры до сих пор в алтайских деревнях являются представители старшего поколения, которые родились и воспитывались в моноэтнических селах или приехали из Мордовского края. Научившись говорить по-русски позже, они до сих пор говорят с акцентом, сильно растягивают слова. Многие говорят, мешая слова двух языков, не понимают русские слова, или не могут перевести мордовские слова на русский язык. С некоторыми приходилось общаться через переводчика (учитель местной школы). Среднее поколение владеет двумя языками. В бытовом общении дома, на улице, в магазине, на работе в селах Борисове и Никольском предпочтение отдается эрзянскому диалекту.

Анкетирование старшего поколения (до 1940-го г. р.) показало, что 98 % пользуются мордовским в быту, 10 % — умеют писать, 27 % — читать. Среднее поколение, которое осваивало мордовский язык с пеленок, а русский — в школе, несколько утратило навыки разговорной речи (96 %), зато освоило чтение (41 %) и письмо (15 %), что в целом отражало позитивные результаты политики советского государства по борьбе с безграмотностью. В дальнейшем многие представители среднего поколения столкнулись с проблемой невостребованности родного языка в жизни; в основном

он служил для общения с родителями. Респонденты отмечали, что мордовский язык даже мешал им в учебе, затруднял усвоение учебной программы: «когда мы пришли в первый класс, мы тупые, ничего не знаем, нас русскому языку учат, а мы ничего не понимаем». Это сказывалось на успеваемости. Особенно проблемным стало развитие системы малокомплектных школ в неперспективных селах, где дети заканчивали 4 класса и продолжали учиться в средних школах центральных усадеб, проживая в интернате. Плохое знание русского языка не только сказывалось на их оценках, но и вызывало насмешки русских одноклассников, что формировало у детей негативное отношение к этнической маркировке.

Старожилы рассказывают, как они страдали от насмешек: «Фу, мордва». По мнению респондентов, эта фраза звучала, как ругательная. В последствии они старались оградить уже своих детей от влияния собственной культуры, пытаясь тем самым облегчить им жизнь. В результате представители младшего поколения хуже знают свою культуру и язык. Несмотря на то, что бытовым языком владеют 75 % молодежи, уровень знания этого языка гораздо ниже, чем в старших возрастных группах.

Среди мордвы-мокши в русскоязычных селах Залесовского р-на также сформировалась негативная установка по отношению к родному языку. Как рассказывают старожилы: «Раньше, если куда поедешь, то никогда не скажешь, что ты мордва, а то засмеют, особенно залесовские» (из райцентра — с. Залесовское). Старожилы сел Пещерки, Б. Калтая и М. Калтая вспоминают, что они стыдились «быть мордвой» на выездах из родного села. Горький детский опыт сформировал у среднего поколения сознательную позицию в обучении собственных детей русскому языку с пеленок: «Сейчас детей сразу по-русски учим, чтобы они в школу пошли, по-русски умели говорить». В результате государственной политики и семейных установок в третьем поколении мордвы только 25 % владеют мордовским языком в совершенстве, из которых только 15 % считают его родным; 75 % мордвы, родившиеся после 1971 г. родным считают русский, хотя говорят и на мордовском. Однако в последнее время среди молодежи стало модно говорить на родном языке, а вот навыки письменной речи утрачены.

Процесс замены мордовского языка русским в смешанном русско-мордовском с. Зудилове Первомайского р-на, оторванного от мордовской зоны Залесовского р-на, проходил более интенсивно; если во втором поколении 50 % родителей приобщали детей к родному языку, то у четвертого поколения такого стремления уже не было (см. табл. 2). Различное отношение к языку как инструменту и индикатору сохранения этничности выявлялось у четырех поколений: к первому были отнесены первопоселенцы 1870–1910-х гг.

Таблица 2. Результаты анкетирования мордвы с. Зудилова, %*

Вопросы анкеты	2-е поколение		3-е поколение		4-е поколение	
	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет
Приобщаете ли вы близких (детей, родственников) к мордовской культуре	50	50	25	75	—	100
Были вы на исторической родине	—	90	—	90	—	100
Есть у вас желание переселиться в места компактного проживания мордвы		100		100		100
Согласны Вы дать полное интервью по истории своей семьи	100	—	80	20	60	40
Какие чувства испытываете, осознавая себя мордвой:						
Гордость	100		60		10	
Стеснение			20		40	
Затрудняюсь ответить			20		50	

* В анкетировании участвовали Е.Ю. Чеботарева, А. Юсупова, Е. Дорофеева, Т. Садко, Н. Захарова.

(поколение дедов и прадедов); ко второму — рожденные на Алтае в 1910–1920-е гг. (их дети); к третьему — родившиеся в 1930–1950-е гг. (внуки); к четвертому — рожденные после 1960-х гг. (правнуки). Анализ анкет показал, что второе поколение мордвы-переселенцев (1910–1920-х гг. р.) пользовалось родным языком как средством общения в семье. Старшие учили своему языку уже на Алтае, общались с соседями, пели песни (даже в послевоенное время до 1960–1970-х гг.). Третье поколение (1930–1940-х гг. р.) говорило на родном языке уже только в семье; в общении с соседями перешли на русский. Это поколение преодолело и эндогамный барьер, стало заключать смешанные браки. Однако и четвертое поколение (1960–1970-е гг.) приобщено к языковой культуре. Благодаря бабушкам, правнуки понимают язык, но лишены практики внутрисемейного и внутриэтнического общения и знания письменного языка²⁰.

Распределение поколенных групп по знанию родного языка практически совпадает с выявлением у поколенных групп осознания своей этнической принадлежности. Среди старшего поколения свою принадлежность к мордовскому этносу в селах Борисове и Никольском обозначили 100 % опрошенных, среднего поколения — 95 %, младшего — только 50 %, остальные относят себя к русским.

Высокий процент обрусения поколения внуков свидетельствует о постепенном изменении этнического самосознания мордвы-эрзя, которое выражается в отказе от этнической принадлежности своих родителей и замене ее на русскую. В последнее время тенденции записи родителями себя и своих детей русскими способствует рост смешанных браков. Основываясь на похозяйственных книгах текущего архива Борисовской сельской администрации и устных источниках, можно с определенной уверенностью утверждать, что в довоенное время (до 1945 г.) у мордвы сел Борисова

и Никольского браки были моноэтнические. Это было связано не только с разными этнокультурными традициями, но и с этническими стереотипами. По словам мордовки А.А. Четвергова (1937 г. р.), «на мордовках не очень хотели жениться, мордву считали грязной. Просто у мордвы были очень большие семьи, дома маленькие. Да и в мордовских семьях не очень приветствовали, когда сыновья женились на русских девушках, считая их ленивыми». Можно предположить, что изменила отношение к межнациональным бракам демографическая ситуация, вызванная войной 1941–1945 гг. Среди мордвы 1940–1960-х гг. р. в с. Борисове 42 семьи образовались в результате смешанных браков, в 1960–1980-х гг. — 30 семей.

Старшее поколение мордвы-эрзя выросло под влиянием носителей мордовской культуры, приехавших в Сибирь со своей родовой территории. Поэтому у них не существует проблем с этническим самоопределением. Их дети формировались в полиэтническом окружении, где имела место установка «не выделяться, не отличаться от других». Кроме того, на этническое самосознание серьезно воздействовало образование. Вытеснение мордовского языка из деловой и образовательной, а затем и из семейной сферы, привело к общению детей и подростков на русском языке, что облегчало процесс перехода в «русские». В целом, по переписи 1989 г., только половина мордвы на Алтае считала родным мордовский язык — 3707 из 7 455 чел., русский — 3 728, другой язык — 20 чел. При этом процент владения мордовским языком у женщин, особенно живущих в сельской местности, был заметно выше — 63,5 %. По данным конца 1980-х гг., свободно владела родным языком незначительная часть — 825 чел., только русским — 3 478, другими языками — 145 чел. Остальная часть мордвы знала язык, но испытывала затруднения в практическом использовании (3 007 чел.).

В ходе исследования язык назвали этнодифференцирующим признаком 100 % респондентов. По другим компонентам этничности между поколениями возникли разногласия. Представители старшего поколения, воспитанные носителями традиционной культуры, впитали культурно-бытовые привычки в процессе общения с бабушками, дедушками и родителями. Поэтому информаторы старшего поколения назвали этнодифференцирующими признаками обряды жизненного цикла: свадебный (61 %) и похоронный (29 %). Но в силу известных объективных и субъективных причин они не передали детям нормативные традиции.

Среди представителей среднего и особенно младшего поколения носители семейной обрядности практически отсутствуют, они затруднялись определить обряды, свойственные мордве, и их отличия. На первое место после языка они поставили особенности характера (II поколение – 55 %; III – 36 %). В анкетах в качестве национальных черт информаторы указывали дружелюбие, гостеприимство, усидчивость, любознательность, трудолюбие, покладистость. Многие черты характера – простота, открытость, бесхитростность, по их мнению, способствовали развитию негативной оценки: «мордва, это национальность, которая ниже русской». Учительница Борисовской школы В.И. Аношкина (1948 г. р.) объяснила так: «Мордовские дети очень дружные, у них отмечается гостеприимство, простота, это очень трудолюбивые люди, покладистые и любознательные, но им свойственна небрежность».

Между вторым и третьим поколением наблюдается также значительная разница в ранжировании этнодифференцирующих признаков. Представители среднего поколения, имея возможность сравнивать своих родителей (до 1940-х гг. р.) – носителей мордовской культуры, со своими детьми (после 1970-х гг. р.), подвергшимися русификации, указывают на отличия мордовского и русского свадебного (81 %), похоронного (52 %) обрядов, быта (33 %), для старшего поколения это соответственно 61, 29, 10 %. Но, в отличие от старшего поколения, они (15 %) не помнят традиционной одежды, которая раньше других компонентов материальной культуры ушла из повседневного употребления.

Таким образом, потомки мордовских переселенцев Залесовского и Первомайского р-нов обладают определенной системой взглядов, и оценивают свое место в системе межэтнических отношений. Консолидации способствует малочисленность мордвы при доминировании русского населения. Такую ситуацию отражает пословица, бытующая в с. Зудилово: «мордвы – на пяток два; а русского – на грош сколько хошь» (Е.С. Шиндяпкина, 1948 г. р.). Идентичность мордвы сформировалась в условиях неприятия их культуры, доходящего до насмешек, поэтому для сознания многих представителей этого народа в Алтайском крае ха-

рактерна двойственность позиции. Одни четко идентифицируют себя мордвой и гордятся этим. Другие отрицают принадлежность к мордве, боясь насмешек; Н.Л. Астрахацева (1934 г. р.) из с. Зудилово так отреагировала на вопрос «Вы относите себя в мордве?»: «Вы меня не оскорбляйте!», и лишь поверив в искренность, призналась, что она «чистокровная мордовка и гордится этим».

Такая ситуация существенно трансформировала этнонациональные чувства; если у второго поколения мордвы в с. Зудилово гордость за свое происхождение испытывали 100 % опрошенных, то у третьего поколения уже только 60 % (40 % стеснялись или затруднялись ответить), у четвертого же поколения лишь 10 % испытывали гордость; выросло число лиц, испытывающих стеснение (40 %) и затруднение (50 %) при ответе на этот вопрос (см. табл. 2). Остается надеяться, что в современных условиях роста национального самосознания эта группа сможет пересмотреть свои взгляды и укрепить позиции мордвы. А для этого, по их же мнению, необходимо возродить национальные школы, ликвидированные в 1930-е гг.

Проявлением самосознания мордвы является идентификация себя в рамках субэтнических групп – мокша или эрзя. Часть респондентов называли себя просто мордвой, не зная точного происхождения, что свидетельствует о снижении степени этничности. Как известно, часть современных эрзянских радикалов в Республике Мордовия (Поволжье) ведет борьбу с этнонимом «мордва», утверждая, что нет народа «мордва», есть «эрзя» и «мокша», а мордвинизация – гибель обоих народов, так как в результате образуются «русские»²¹.

В Залесовских селах Борисове и Никольском старшее и среднее поколение определяет свою принадлежность к мордве-эрзя, в младшей группе только 30 % имеют представление об этнонимах «эрзя» и «мокша». Как известно, по определению Ю.В. Бромлея, этническое сознание выступает одним из основных компонентов этноса, но оно не является наследственной составляющей, а складывается у индивида или группы в процессе социализации не только в семье (история алтайской мордвы подтвердила недостаточность только семейных усилий в трансляции национальной культуры), но и в обществе. Именно общество создает благоприятные условия для осознанного акта этнического самоопределения каждого этнофора (носителя этнической культуры), т.е. его этнической самоидентификации.

Дисперсное размещение мордвы: межэтническая интеграция

Вторая группа мордвы сформировалась в местах дисперсного проживания в центральных и восточных

Таблица 3. Переселение в Сростки

Годы	Самарская губ.	Симбирская губ.	Пензенская губ.
1860–1865	0	1	0
1866–1870	2	0	0
1871–1875	1	2	0
1876–1880	9	1	0
1881–1885	6	0	0
1886–1890	5	0	0
1891–1895	4	0	0
1896–1900	1	0	0
1901–1905	0	0	1
1906–1910	0	0	0
1911–1915	0	0	0

районах Алтайского края и включает русско-мордовские села со значительно обрусевшим мордовским населением. У большинства мордовских переселенцев не было четкой привязки к этническим территориям. С момента переселений они жили чересполосно на территории Алтая вперемежку с русским населением, что обусловило потерю этничности. Ярким примером является история мордвы с. Сростки Бийского р-на – родины В.М. Шукшина, мордвина по отцу. Село было образовано русскими переселенцами на р. Катунь в 1804 г. Население до прихода мордвы формировалось из переселенцев Смоленской, Тобольской, Пермской губерний. Как говорили старожилы, жили в Сростках «тамбовские волки, тульские самоварники, курские соловьи, вологодские водохлебы», но больше всего в Сростках было переселенцев из Рязанской губернии – «рязанских ко-сопузиков» (П.К. Митякин, 1930 г. р.). Мордва приселилась к этому сообществу в 1860–1880-е гг. из Пензенской, Симбирской, Саратовской губерний.

Архивные исследования показали, что отличительной особенностью переселений мордвы в с. Сростки являлась «клановость»: переезжали несколькими родственными семьями, иногда до 60 чел. В Сростках ими был образован Мордовский край (ныне ул. Советская). Перепись 1917 г. выявила 43 мордовских семьи. Основная миграционная волна из Самарской губернии (38 семей) пришла на 1880-е гг.: Емельяновы (3 семьи), Ильины (2), Кабуковы (4), Отпущенниковы (2), Поповы (5), Погодины (4), Пипкины (4), Шукшины (10). Преобладание русского населения, земельные привилегии русских способствовали тому, что уже в 1917 г. многие мордовские семьи стали записывать себя русскими, что стало началом процесса потери этничности. Складывалась парадоксальная ситуация «разночтений» между родными братьями, родителями, родственниками. Рассмотрим этот процесс на примере «клана» Шукшиных. По переписи 1917 г., в мордвы записались С.П. Шукшин (год прихода 1877), П.П. и В.М. Шукшины (1867 г.), русскими – А.С. и С.П. Шукшины

(1878 г.); 2 сына записавшегося мордвином П.П. Шукшина остались мордвинами, 4 стали русскими. Такая же ситуация сложилась в «клане» Пипкиных – 3 домохозяина – мордвы, 1 – русский, Погодиных – 3 мордвина и 1 русский, Поповых – 2 мордвина и 3 русских, Отпущенниковых – 2 мордвина, 3 русских, Кабуковых – 3 мордвина, 1 русский, Емельяновых – 2 мордвина, 1 русский, Кебиных – 1 мордвин и 1 русский.

Анкетирование и интервьюирование мордвы в русскоязычных Сростках показало иную картину, чем в Мордовском крае. В сознании сросткинской мордвы произошли большие изменения. Многие потомки переселенцев XIX в. не помнят своей этнической принадлежности и пишутся русскими. Мордвой считает себя только семья поздних переселенцев Митякиных, остальные семьи отказались заполнять анкету, мотивируя тем, что они не принадлежат к мордве, хотя помнят, что среди их предков была мордва. В изменении этнической самооценки большую роль сыграли смешанные межнациональные браки при преобладании русскоязычного населения и сформированный в советское время настрой на всеобщую интернационализацию, который побуждал мордву «становиться» русскими.

Примером являлась русификация семьи Емельяновых. В Сростки они переселились в 1882 г. из с. Колтаевки Сараченского уезда Самарской губ. По результатам переписи 1917 г., главой семьи был мордвин П.А. Емельянов (1841 г. р.), его жена – Ульяна, сыновья – Григорий (1870 г. р.), Сергей (1879 г. р.), Иван (1881 г. р.) и дочери – Марья, Агафья. В дальнейшем Григорий, Иван и дочери вступили в брак с русскими (материалы переписи 1917 г.). В настоящее время потомки семьи Емельяновых уже не помнят о своей принадлежности к мордве.

Иначе сложилась судьба мордовских семей, приехавших в с. Сростки во время голода 1937 г.; в селе осели три мордовские семьи (из Качкуровского р-на, с. Новые Турдаки): семья Ефима Тимофеевича и Агрипины Ивановны Митякиных; семья Кирилла Ефи-

мовича (1906 г. р. – в 1943 г., погиб на Курской Дуге) и Любви Михайловны (в девичестве Абрамкина, 1905–1993 г.) Митякиных с четырьмя детьми (Петр, Иван, Ольга, Василий); и семья их дяди Степана Анисимовича Пичумкина (жена Матрена Ефимовна, в девичестве Митякина). Сначала они приехали в Бийск к своим родственникам – «там полно было мордвы, сейчас не знаю, остались не такие сродные, двоюродные» (П.К. Митякин, 1930 г. р., с. Сростки). Главе семейства в Бийске не пожилость: «привыкли они жить в деревне, а там город, так и поехали в деревню» Сростки Бийского р-на, где, по слухам, также жила мордва (П.К. Митякин, 1930 г. р., с. Сростки). Однако в мае 1940 г. Ефим Тимофеевич со Степаном Анисимовичем Пичумкиным вернулись на родину – «бабка заныла, не хочу в чужой земле умирать, поеду на свою Родину» (П.К. Митякин, 1930 г. р., с. Сростки). Осталась только семья Кирилла Митякина. В Сростках их поселили в маленьком доме, а дядя жил рядом в амбаре. К зиме они купили дом, в котором была одна комната. Они быстро обживались, так как, по их словам, «вообще мордву считали трудолюбивой, мордва они мастеровые люди» (Митякина А.И., 1931 г. р., в девичестве Дегтярева, русская). Вспоминая, как их семья приехала, П.К. Митякин рассказывает о своем деде: «телеги он начал делать и сапоги шить, когда мы сюда уже приехали. В сарайчике у нас станок стоял столярный, крутился от ноги, как прялка... когда мы приехали, они по-мордовски уже не разговаривали (в 1940-х гг. – М. О., Т. Щ.), когда дед с бабушкой были, отец, мать они между собой разговаривали, а я уже лет 60 как не разговариваю, потерял родной язык». В результате забывались обычаи и традиции. Несмотря на то, что дети К. Митякина выросли в семье, где знали язык и традиции, они постепенно перешли на русскую речь, а их дети и внуки уже считают себя русскими. Только один сын П.К. Митякин, потеряв разговорные навыки, остался мордвой-эрзя.

Таким образом, мордва русскоязычного с. Сростки, в отличие от Причумышья, обрусела, потеряв традиции и язык; как интерпретировал П.К. Митякин, «та мордва, которая жила здесь, в одежде уже не отличалась, так же одевались как все, а наши приехали, отличались. Когда мой дед приехал сюда, у него под вид барчатки шуба мордовская была, а его Емельянов узнал и сразу позвал «эрзя подя сюда» (П.К. Митякин, 1930 г. р., с. Сростки). Потомки мордвы полностью ассимилировались, считают себя русскими, хотя представители старшего поколения помнят свои корни. Даже потомки поздних переселенцев (1930-х гг.) пишутся русскими.

Таким образом, у разных этногеографических групп мордвы происходит утрата этничности. Этот

процесс характеризуется более низкими темпами в смешанных и мордовских селах, и высокими – в русских селах. Среди компонентов этнической идентичности на первом месте находится язык, затем особенности национального характера и обрядовые традиции. Более высоким уровнем осознания этнической специфичности отличаются локальные группы окраинных территорий (Залесовское Причумышье), долгое время проживающие моноэтнично. Меньший уровень осознания отмечается у дисперсно проживающей мордвы и в тех группах, которые оказались в гуще событий XX в., на перекрестках миграций, в районах с развитым производственным сектором (с. Сростки Бийского р-на, села Родино и Красноярка Топчихинского р-на). Потеря этничности происходила прежде всего в сфере материальной культуры. Духовная культура, включая обрядовость, оказалась более устойчивой.

Примечания

¹ Тавадов Г.Т. Этнология. – М., 2003.

² Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М., 1983. – С. 180.

³ Национальный состав населения Алтайского края: по данным Всесоюзной переписи 1989 г. – Барнаул, 1991. – С.3.

⁴ Численность и территориальное размещение населения Алтайского края: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. – Ч. 1.

⁵ Этнографический состав населения Алтайской губернии по предварительным данным Всероссийской переписи 1920 года // Бюллетни Алт. Губ. Статбюро. – 1921. – № 5. – С. 2.

⁶ Шнейдер А.Р. Округа и районы Сибирского края. – М., 1930. – С.15.

⁷ Там же. – С.34.

⁸ Шибаев В.П. Этнический состав населения европейской части СССР // Наука и жизнь. – 1985. – № 4. – С. 35.

⁹ ЦХАФ АК. – Ф. 1765. – Оп. 1. – Д. 42. – Л. 73.

¹⁰ Там же. – Ф. 233. – Оп. 1. – Д. Анкеты Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.

¹¹ Список Населенных мест Томской губернии за 1893 г. – Томск, 1893. – С. 89; Список Населенных мест Томской губернии за 1911 г. – Томск, 1911. – С. 179.

¹² ЦХАФ АК. – Ф. 233. – Оп.5. – Д. 45.

¹³ Архив ЛИК БГПУ. – Материалы ИЭЭ–2003 г. (Залесовский район) Дневник Абол Д.И., 1893 г. р.

¹⁴ ЦХАФ АК. – Ф. 233. – Оп. 1. – Д. 1016.

¹⁵ Там же. – Д. 9234.

¹⁶ Там же. – Д. 1011.

¹⁷ Там же. – Д. 233, 238.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Ф. – Р. 922. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 37.

²⁰ Фонды «Уголка юного краеведа» МОУ «Зудиловская средняя общеобразовательная школа». Первомайский р-н Алтайского края.

²¹ Народы Поволжья и Приуралья / Под ред. Н.Ф. Мокшина. – М., 2000. – С. 356.